

Второй пол. С. Бовуар filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Второй пол. С. Бовуар

том 1. факты и мифы.

Часть первая. Судьба

Глава 1. Данные биологии

Женщина? Это же так просто, говорят любители простых формулировок, – матка да яичники, одним словом, самка. В устах мужчины слово «самка» звучит как оскорбление. В то же время своих животных качеств он не стыдится, наоборот, гордится, если про него скажут: «Ну и самец!» Термин «самка» звучит уничижительно не потому, что обозначает женщину в ее природной сущности, а потому, что он определяет ее исключительно по половой принадлежности. Если даже самки невинных животных кажутся мужчине чем-то презренным и враждебным, то причину этого, очевидно, следует искать в той тревожной неприязни, что внушают ему женщины. А оправдание этого чувства он хочет найти в биологии. При слове «самка» у него возникает целый калейдоскоп образов: огромная круглая яйцеклетка захватывает и оскопляет проворный сперматозоид; чудовищно раскормленная царица термитов повелевает поработенными самцами; самка богомола или паучиха, пресытившись любовью, давят и пожирают своего партнера; сука в период течки рыщет по закоулкам, оставляя за собой шлейф непотребных запахов; обезьяна бесстыдно выставляет себя напоказ или прячется в приливе лицемерного кокетства; самые великопленные хищницы – тигрица, львица, пантера – раболепно стелются под царственными ласками самца. В женщине – инертной, нетерпеливой, хитрой, глупой, бесчувственной, похотливой, кровожадной, униженной – мужчина видит проекцию всех самок одновременно. Да она и в самом деле самка. Но если не сводить нашу мысль к общим положениям, то сразу же напрашиваются два вопроса: что представляет собой особь женского пола в животном мире и какое именно качество самки реализуется в женщине?

41

Самцы и самки – это два типа особей, которые внутри одного вида различаются с точки зрения размножения. Определить их можно, лишь соотнося друг с другом. Но следует сразу отметить, что смысл самого разделения видов на два пола не совсем ясен.

В природе это разделение не является универсальным. Если говорить только о животном мире, то известно, что у одноклеточных – инфузорий, амёб, бактерий и пр. – размножение в основе своей никак не связано с полом: клетки делятся сами по себе. Некоторые многоклеточные размножаются путем шизогонии, то есть множественного деления особи, чье происхождение также бесполо, или бластогенеза, то есть деления особи, порожденной половым путем; явления почкования и дробления, наблюдаемые у пресноводной гидры, кишечнополостных, губок, червей, оболочников, – хорошо известные тому примеры. В явлениях партеногенеза неоплодотворенное яйцо развивается в зародыш без вмешательства самца, последний или вообще не участвует в процессе, или играет второстепенную роль: неоплодотворенные пчелиные яйца делятся, и из них выводятся трутни; у тли самцы в нескольких поколениях вообще отсутствуют, а из неоплодотворенных яиц выводятся самки. Искусственным путем партеногенез был получен у морских ежей, морских звезд и лягушек. Впрочем, и у простейших случается, что две клетки сливаются, образуя так называемую зиготу; оплодотворение необходимо, чтобы из пчелиных яиц вывелись самки, а из яиц тли – самцы. Некоторые биологи заключили из этого, что даже в видах, способных к однополому размножению, обновление зародышевой плазмы путем перераспределения хромосом якобы полезно для омоложения и укрепления жизнеспособности потомства. Тогда понятно, что в наиболее сложных формах жизни пол становится функцией необходимой. Якобы только простейшие организмы могут размножаться неполовым путем, да и те истощают при этом свою жизнеспособность. Но сегодня эта гипотеза признана ошибочной – наблюдения доказали, что неполовое размножение может длиться бесконечно и никакой дегенерации при этом не обнаружено. Особенно показателен в этом смысле пример бактерий. Опыты по партеногенезу становились все более многочисленными и все более смелыми и продемонстрировали, что для существования многих видов самцы вообще не нужны. Впрочем, даже если бы была выявлена полезность обмена между клетками, это было бы простой констатацией ничем не обоснованного факта. Биология констатирует разделение на два пола, но сколь бы ни была она проникнута финализмом, ей не удастся вывести это разделение ни из строения клетки, ни из законов ее деления, ни из какого-либо иного простейшего явления.

42

Существования гетерогенных гамет¹ недостаточно, чтобы определить два

различных пола; действительно, часто случается, что дифференциация производящих клеток не ведет к разделению вида на два типа особей – обе разновидности клеток могут принефлечь одной особи. Так бывает в случае гермафродитных видов, столь многочисленных у растений и встречающихся среди некоторых низших животных, например среди кольчатых червей и моллюсков. Тогда размножение происходит или путем самооплодотворения, или перекрестного оплодотворения. В связи с этим пунктом некоторые биологи попытались узаконить установленный порядок. Они рассматривали гонохоризм, то есть систему, при которой различные гонады² принадлежат разным особям, как усовершенствованный вариант гермафродитизма, получившийся в результате эволюции. Другие же, напротив, считали гонохоризм первичным, а гермафродитизм его дегенерацией. Как бы то ни было, эти основанные на эволюции представления о превосходстве одной системы над другой влекут за собой более чем спорные теории. Единственное, что можно с уверенностью утверждать, – это что оба названных способа воспроизводства сосуществуют в природе, что оба они обеспечивают непрерывное продолжение вида и что гетерогенность организмов – носителей гамет, как и гетерогенность самих гамет, представляет собой явление необязательное. Итак, разделение особей на самцов и самок является? фактом ни из чего не выводимым и случайным. Большинство философий приняли это разделение как данность, не пытались объяснить его. Известен платоновский миф: вначале были мужчины, женщины и андрогины, у каждого индивида было два лица, четыре руки, четыре ноги и два сросшихся тела; однажды они были разбиты надвое, «как разбивают надвое яйцо», и с тех пор каждая половина стремится найти вторую, недостающую половину – впоследствии боги решили, что от сокопления двух несхожих половин будут появляться новые человеческие существа. Но эта история ставит своей задачей объяснить только любовь – разделение полов сразу принимается как данность. Не дает ему обоснования и Аристотель, ибо если любое действие требует взаимодействия материи и формы, необязательно, чтобы активное и пассивное начала распределялись по двум категориям гетерогенных индивидов. И таким образом, святой Фома Аквинский объявляет женщину существом «случайным» и тем самым утверждает – в мужской перспективе – случайный характер половой принадлежности. Гегель в свою очередь изменил бы своему исступленному рационализму, если бы не попытался логически ее обосновать. Пол, согласно его учению, представ-

1 Гаметами называются половые клетки, из слияния которых получается яйцеклетка.

2 Гонадами называются железы, производящие гаметы.

43

ляет собой опосредование, через которое субъект конкретно постигает себя как род. «Род в нем как напряжение, вызванное несоразмерностью его единичной действительности, становится стремлением достигнуть сочувствия в другом представителе того же рода, восполниться через соединение с ним и через это опосредствование сомкнуть род с собой и дать ему существование – это есть процесс сокопления»¹. И немного ниже: «Процесс состоит в том, что, будучи в себе единым родом, одной и той же субъективной жизненностью, они и полагают это единство как таковое». И затем Гегель заявляет, что для того, чтобы два пола могли сблизиться, предварительно необходима их дифференциация. Но доказательство его неубедительно; слишком чувствуется здесь стремление во что бы то ни стало найти в любой операции три составляющие силлогизма. Выход особи за пределы своего «я» к виду, в результате которого особь и вид достигают подлинной реализации своей сущности, мог бы осуществиться и без третьего элемента, через непосредственное отношение родителя и ребенка – способ воспроизводства при этом может быть и неполовым. Или же отношение одного к другому может представлять собой отношение двух сходных особей, а различие тогда будет возникать за счет своеобразия особей одного типа, как это бывает у гермафродитов. Описание Гегеля раскрывает одно очень важное значение половой принадлежности – но, как всегда, его ошибка в том, что из значения он делает объяснение.

Мужчины определяют пол и взаимоотношения полов в ходе половой деятельности подобно тому, как они придают смысл и значение всем исполняемым ими функциям, но все это совершенно необязательно свойственно человеческой природе. МерлоПонти в «Феноменологии восприятия» отмечает, что человеческое существование, или экзистенция, вынуждает нас пересмотреть понятия необходимости и случайности. «Существование, – пишет он, – не имеет случайных атрибутов, в нем нет содержания, от которого зависела бы его форма, оно не допускает в себе чистого факта, так как само является движением, которое несет в себе эти факты». Это верно. Но верно также и то, что существуют условия, без которых сам факт существования представляется невозможным. Присутствие в мире неминусом подразумевает определенное

положение тела, позволяющее ему быть одновременно частью этого мира и точкой зрения на него, но при этом не требуется, чтобы тело обладало тем или иным особенным строением. В работе «Бытие и ничто» Сартр спорит с утверждением Хайдеггера, что сам факт конечности обрекает реальность человеческого существования на смерть. Он устанавливает, что можно представить себе существование конечное и не ограниченное временем. Тем 1 Гегель. философия природы, часть 3, § 369, в рус. издании § 368. – Перед. 44

не менее, если бы в жизни человеческой не коренилась смерть, отношение человека к миру и к себе самому было бы совершенно иным, и тогда определение «человек смертен» представляется вовсе не эмпирической истиной; будучи бессмертным, живущий уже не был бы тем, что мы именуем человеком. Одна из основных характеристик его судьбы заключается в том, что движение его временной жизни образует позади и впереди себя бесконечность прошлого и будущего, – и понятие увековечения вида сопрягается с индивидуальной ограниченностью. Таким образом, явление воспроизводства можно рассматривать как онтологически обоснованное. Но на этом следует остановиться, увековечение вида не влечет за собой дифференциации полов. Если эта дифференциация принимается существующими людьми – таким образом, что оказывает обратное действие и входит в конкретное определение существования, – пусть так оно и будет. Тем не менее сознание без тела, или бессмертный человек, – вещь абсолютно невообразимая, тогда как общество, размножающееся путем партеногенеза или состоящее из гермафродитов, можно себе представить.

Что касается взаимодействия полов, то по этому поводу существуют самые различные мнения. Вначале они были лишены какой бы то ни было научной основы и отражали лишь социальные мифы. Долгое время считалось, да и сейчас в некоторых примитивных обществах с материнской филиацией считается, что отец не имеет никакого отношения к зачатию ребенка, будто бы прародительские личинки в форме живых зародышей проникают в материнское чрево. С наступлением патриархата мужчина стал жестко отстаивать право на собственное потомство. И хотя приходилось все же признавать роль матери в процессе деторождения, подчеркивалось, что ее функции сводятся лишь к вынашиванию и вскармливанию семени жизни – созидательной силой стал считаться только отец. В представлении Аристотеля, зародыш является продуктом встречи спермы и менструаций – в этом симбиозе женщина дает лишь пассивную материю, а сила, активность, движение, жизнь исходят от мужского начала. Такова же доктрина Гиппократа, который выделяет два вида семени: слабое, или женское, и сильное, мужское. Теория Аристотеля утвердилась и просуществовала на протяжении всех средних веков и вплоть до современной эпохи. В конце XVII века Гарвей нашел в роге матки заколотых вскоре после совоупления ланей везикулы, которые принял за яйца и которые на самом деле были зародышами, Датчанин Стенон назвал яичниками женские детородные железы, которые до сих пор именовались «женскими семенниками», и обнаружил у них на поверхности пузырьки, которые Грааф в 1677 году ошибочно отождествил с яйцом и которым дал свое имя. Яичник продолжали рассматривать как аналог мужской железы, Впрочем, в том же самом году были открыты «сперматические существа» и стало известно, что они проникают в матку. 45

Однако считалось, что там они только питаются и что в них уже заложена будущая личность. Голландец Гартсакер в 1694 году рисовал гомункула, спрятанного в сперматозоиде, а в 1699-м другой ученый заявил, что видел, как сперматозоид откинул нечто вроде оболочки и под ней оказался маленький человек, которого он тоже нарисовал. По всем этим гипотезам, женщина должна лишь только вскармливать активное и совершенно сложившееся живое начало. Теории эти были приняты не всеми, и дискуссии продолжались до XIX века. Изучение животного яйца стало возможным в результате изобретения микроскопа. В 1827 году Баер идентифицировал яйцо млекопитающих – оно представляет собой элемент, содержащийся внутри граафова пузырька, и вскоре стало возможным изучение его дробления. В 1835 году были открыты саркорм, то есть протоплазма, а затем – клетка. В 1877 году было произведено наблюдение, показавшее, как сперматозоид проникает в яйцо морской звезды; с тех пор было установлено соответствие между ядрами обеих гамет; их слияние впервые было проанализировано в 1883 году бельгийским зоологом. Однако идеи Аристотеля полностью не утратили своего влияния. Гегель считает, что два пола должны быть различными: один – активный, другой – пассивный, и само собой разумеется, что пассивность достается в удел женскому полу. «Вследствие дифференциации мужчина являет собой принцип активный, а женщина – принцип пассивный, ибо она остается в своем неразвернутом единстве»¹. И даже после того, как яйцеклетка была признана активным принципом, мужчины попытались противопоставить ее инертность

подвижности сперматозоида. Сегодня вырисовывается обратная тенденция; открытия в области партеногенеза побудили некоторых ученых свести роль самца к психическому фактору. Выяснилось, что в некоторых видах воздействия кислоты или механического раздражителя может оказаться достаточно для того, чтобы вызвать дробление яйца и развитие зародыша. С этого момента было смело выдвинуто предположение, что мужская гамета не необходима для деторождения, самое большее – ей отводится роль катализатора. Может быть, однажды участие мужчины в зарождении жизни станет ненужным – кажется, об этом мечтает множество женщин. Но ничто не дает права так смело опережать события, как ничто не дает права придавать универсальный характер специфическим жизненным процессам. Явления бесполого размножения и партеногенеза не более и не менее фундаментальны, чем воспроизводство половым путем. Мы сказали, что у последнего нет никаких априорных преимуществ, но ничто не указывает на то, что его можно свести к более элементарному механизму.

1 Гегель. Философия природы, часть 3, § 369, в рус. издании § 368. – Перед. 46

Итак, отвергая любую априорную доктрину, любую слишком смелую теорию, мы оказываемся перед фактом, не имеющим ни онтологического основания, ни эмпирического оправдания, факта, априорное значение которого нам непонятно. Лишь рассматривая его в конкретных проявлениях, мы можем надеяться докопаться до его смысла – тогда, быть может, прояснится и содержание слова «самка».

Мы не собираемся предлагать здесь философию жизни и не хотим поспешно становиться на чью-либо сторону в споре между финализмом и механицизмом. В то же время примечательно, что все физиологи и биологи прибегают к словарю, более или менее заимствованному у финалистов, – по той простой причине, что им приходится осмысливать жизненные явления. Мы воспользуемся их лексикой. Не предвещая вопроса о соотношении между жизнью и сознанием, можно утверждать, что любой живой факт указывает на трансценденцию и что любая функция заключает в себе проект – ничего большего наши рассуждения не предполагают. В подавляющем большинстве видов организмы мужского и женского пола производят на свет потомство путем совместного действия. В основе своей они определены вырабатываемыми ими гаметами. У некоторых водорослей и грибов клетки, от слияния которых получается яйцо, идентичны; эти случаи изогамии показательны, ибо демонстрируют, что гаметы по сути своей равноценны. Обычно они различаются – но поражает аналогичность их строения. Сперматозоиды и яйцеклетки образовались в процессе эволюции из первоначально идентичных клеток – развитие женских примитивных клеток в ооциты отличается от происхождения сперматоцитов на уровне протоплазмы, процессы же, происходившие в ядре, практически не различаются. Мысль, высказанная в 1903 году биологом Анселем, и сегодня не утратила своего значения: «Недифференцированная зародышевая клетка становится мужской или женской в зависимости от условий, которые она встретит в детородной железе в момент своего возникновения, – условий, определяемых превращением некоторого числа клеток эпителия в особые клетки, вырабатывающие питательное вещество». Это изначальное родство находит выражение в структуре обеих гамет, которые в пределах каждого вида содержат одинаковое количество хромосом. В момент оплодотворения смешиваются субстанции обоих ядер, и количество хромосом в каждом из них сокращается вдвое по сравнению с первоначальным. Сокращение это в обоих случаях происходит аналогичным образом: два последних деления яйцеклетки, приводящие к образованию полярных телец, аналогичны последним делениям сперматозоида. Сегодня считается, что в зависимости от вида пол может опреде-

47

лять как мужская, так и женская гамета. У млекопитающих носителем гетерогенной хромосомы, обладающей мужским или женским потенциалом, является сперматозоид. Что касается передачи наследственных признаков, то, по статистическим законам Менделя, она равно вероятна как от отца, так и от матери. Важно отметить, что в этой встрече гамет ни у одной из них нет преимущества перед другой – обе приносят в жертву свою индивидуальность, яйцо целиком поглощает их субстанцию. Итак, существуют два распространенных предрассудка, которые – по крайней мере на уровне фундаментальной биологии – в действительности оказываются ложными: первый – это пассивность самки. Искру жизни не несет в себе ни одна из двух гамет – она вспыхивает от их встречи; ядро яйцеклетки представляет собой жизненное начало, в точности соответствующее ядру сперматозоида. Второй предрассудок противоречит первому, что не мешает им зачастую существовать одновременно: принято считать, что постоянство вида обеспечивается самкой, а существование мужского начала носит характер мимолетной вспышки. В действительности зародыш получает зародышевую плазму как от отца, так и от матери и потом

передает и то и другое вместе своему потомству то в мужской, то в женской форме. Можно сказать, что зародышевая плазма двупола и из поколения в поколение переживает различные индивидуальные соматические превращения. Прояснив этот момент, следует отметить, что между яйцеклеткой и сперматозоидом существуют интереснейшие второстепенные различия. Основная особенность яйцеклетки заключается в том, что она содержит вещества, предназначенные для питания и защиты зародыша. В ней накапливаются запасы, из которых плод будет формировать свои ткани, – запасы, являющиеся не живой субстанцией, а инертной материей. Вот почему она представляет собой массивное образование, сферическое или эллипсоидальное, и объем ее относительно велик. Известно, каких размеров достигает птичье яйцо; женская яйцеклетка имеет 0,13 мм в диаметре, тогда как в человеческой сперме насчитывается 60 000 сперматозоидов на один кубический миллиметр. Масса сперматозоида ничтожно мала, он состоит из нитевидного хвоста и маленькой продолговатой головки, не отягощен никакой инородной субстанцией, он – сама жизнь. Такое строение предполагает подвижность. Тогда как яйцеклетка, где сложено на хранение будущее плода, является неподвижным элементом: скрытая в организме самки или находящаяся вне его, она пассивно ждет оплодотворения. Мужская гамета сама идет ей навстречу. Сперматозоид всегда представляет собой голую клетку, а яйцеклетка, в зависимости от вида, может иметь или не иметь защитную оболочку. Но в любом случае, как только сперматозоид вступает с ней в контакт, он толкает и колеблет ее и проникает внутрь: мужская гамета теряет хвост, головка раздувается и, ввинчиваясь, достигает ядра; тем временем у яйца тут же образуется оболочка, отгора-

живающая его от остальных сперматозоидов. У иглокожих, где оплодотворение происходит вне организма, легко наблюдать, как множество сперматозоидов устремляются к инертной яйцеклетке и ореолом располагаются вокруг нее. Такое состояние – тоже важное явление, встречающееся в большинстве видов. Будучи гораздо меньше яйцеклетки, сперматозоиды обычно производятся в значительно большем количестве, и у каждой яйцеклетки образуется множество претендентов.

Итак, яйцеклетка, активная по своей принципиальной сущности – имеется в виду ядро, – внешне представляется пассивной. Ее замкнутая в себе, вскормленная внутри самая масса напоминает густоту ночной мглы и покой «в-себе-бытия»: именно в форме сферы представляли себе древние замкнутый мир, непрозрачный атом. Яйцеклетка неподвижна и всегда в ожидании, и наоборот, открытый, крошечный, проворный сперматозоид воплощает нетерпение и беспокойство экзистенции. Однако аллегии могут завести далеко; иногда яйцеклетку ассоциировали с имманентностью, а сперматозоид – с трансцендентностью. Лишь отказавшись от своей трансцендентности, от подвижности, проникает он в женский элемент: его захватывает и оскопляет инертная масса, которая впитывает его в себя, лишая при этом хвоста. Это – магическое действие, волнующее, как всякое пассивное действие. Активность же мужской гаметы – рациональна, это движение, измеримое в категориях времени и пространства. В действительности практически все это – чистые бредни. Мужская и женская гаметы сплавляются воедино в яйце; обе они полностью уничтожают самих себя. Было бы ошибкой утверждать, будто яйцеклетка хищно пожирает мужскую гамету, и не менее ошибочно считать, будто сперматозоид победно овладевает резервами женской клетки, поскольку в объединяющем их акте индивидуальность каждого в отдельности теряется. Наверное, для механистического мышления движение представляется явлением по преимуществу рациональным; но для современной физики совершенно очевидна идея действия на расстоянии. Впрочем, подробности физико-химических процессов, приводящих к встрече гамет и оплодотворению, пока неизвестны. Однако из этого сопоставления взглядов можно вывести одно ценное наблюдение. В жизни сосуществуют два типа движения; для поддержания жизни необходимо ее превзойти, а превзойти ее можно только при условии ее поддержания. Оба момента всегда осуществляются вместе, пытаться разделить их – чистейшая абстракция; в то же время то один, то другой из них могут в определенный момент оказаться доминирующим. Объединяясь, обе гаметы одновременно превосходят самих себя и продлевают свое существование; но яйцеклетка по своему строению предвосхищает будущие нужды, она устроена таким образом, чтобы питать зародившуюся в ней жизнь; а сперматозоид, напротив, абсолютно неприспособлен к тому, чтобы обеспечить развитие вызванного

49

им к жизни зародыша. Зато яйцеклетка неспособна сама спровоцировать изменения, влекущие за собой вспышку новой жизни, а <, сперматозоид перемещается. Без предусмотрительности яйцеклетки его действие было бы напрасным, но без его инициативы яйцеклетка не реализовала

бы свои жизненные возможности. Итак, мы делаем вывод, что в фундаментальном смысле роль обеих гамет идентична; обе они вместе создают живое существо, в котором обе теряют и превосходят самих себя. Но поверхностное наблюдение за второстепенными процессами, обуславливающими

• оплодотворение, показывает, что необходимая для расцвета новой жизни ситуация подвластна мужскому элементу, а закрепление этой жизни в организме и ее упрочнение зависит от женского элемента.

Было бы весьма смело из констатации этого факта делать вывод, что место женщины у домашнего очага, – но есть на свете смелые люди. В своей книге «Темперамент и характер» Альфред Фуйе не так давно взялся определять женщину, целиком исходя из яйцеклетки, а мужчину – исходя из сперматозоида. Многие так называемые углубленные теории основываются на подобной игре сомнительных аналогий. Не совсем ясно, из какой философии природы исходят эти псевдомыслители. Если обратиться к законам наследственности, мужчины и женщины одинаково происходят из сперматозоида и яйцеклетки. Я полагаю, что в этих замутненных умах бродят пережитки старой средневековой философии, по которой космос был точным отражением микрокосма; создается представление о яйцеклетке как о гомункуле женского пола и о женщине как о гигантской яйцеклетке. Эти бредни, позабытые со времен алхимии, странным образом контрастируют с научной точностью описаний, которые в то же самое время берутся за основу. Современная биология плохо сочетается со средневековой символикой, но наши ученые так глубоко не задумываются. Если не кривить душой, придется все же признать, что

" от яйцеклетки до женщины еще очень далеко. К яйцеклетке еще неприложимо само понятие женского пола. Гегель справедливо отмечает, что половые отношения невозможно свести к отношениям двух гамет. Таким образом, нам предстоит изучить весь женский организм в целом, как уже говорилось, у определенного числа растений и некоторых простейших, например моллюсков, различие в специфике гамет не влечет за собой аналогичного различия особей, так как каждая из них вырабатывает одновременно и яйцеклетки и сперматозоиды. И даже когда один пол отличается от другого, между ними не существует непреодолимых границ, как между различными видами; подобно тому как гаметы формируются из первоначально недифференцированной ткани, самцы и самки представляют собой скорее две вариации на общей основе. У некоторых животных (наиболее типичный случай – *bonelliidae*) зародыш вначале бывает бесполом, и лишь случайные обстоятель-

50

ства развития впоследствии определяют его пол. Сегодня принято считать, что в большинстве видов пол определяется строением генотипа яйца. Яйцо пчелы, размножающейся путем партеногенеза, порождает исключительно самцов; яйцо тли в тех же условиях – исключительно самок. Когда яйца оплодотворяются, примечательно, что, за исключением разве что некоторых пауков, число рождающихся особей мужского и женского пола практически одинаково. Дифференциация происходит за счет того, что один из двух типов гамет гетерогенен – у млекопитающих иметь то мужской, то женский потенциал может сперматозоид. Пока не выяснено, что именно в ходе сперматогенеза или овогенеза определяет судьбу гетерогенных гамет, во всяком случае, статистические законы Менделя достаточно хорошо объясняют их равномерное распределение. Для обоих полов оплодотворение и начало эмбрионального развития протекают одинаково; эпителиальные ткани, которые впоследствии разовьются в гонады, вначале не дифференцируются; и лишь на определенной стадии созревания начинают формироваться семенники или, еще позже, намечается яичник. Это объясняет тот факт, что между гермафродитизмом и гонохоризмом существует целый ряд промежуточных вариантов. Очень часто у одного пола появляются некоторые органы, характерные для противоположного пола: самый поразительный тому пример – случай жабы. Наблюдения показали наличие у самца атрофированного яичника, названного органом Биддера, который можно искусственно заставить производить яйца. Признаки подобного полового бипотенциала сохранились и у млекопитающих: например, *uterus masculinus* («мужская матка»), грудные железы у самца, а у самки канал Гартнера и клитор. Даже в видах с наиболее четко выраженным половым диморфизмом встречаются особи, одновременно являющиеся самцом и самкой, – случаи интерсексуальности достаточно многочисленны у животных и у человека; а у бабочек и ракообразных встречаются примеры гинандроморфизма, при которых мужские и женские признаки располагаются, так сказать, в мозаичном порядке. Дело в том, что плод с уже определившимся генотипом в то же время испытывает влияние среды, из которой черпает свою субстанцию: известно, что у муравьев, пчел, термитов от способа питания зависит, превратится ли личинка в полноценную самку или ее половое созревание будет заторможено, а сама она низведена до уровня работницы. Влияние в данном случае распространяется на весь организм в целом: у насекомых пол сомы

определяется на очень ранней стадии и не зависит от гонад. У позвоночных регулирующим фактором в основном являются гормоны, выделяемые гонадами. Целый ряд опытов показал, что, производя изменения в эндокринной среде, удастся воздействовать на формирование пола. Другие опыты по пересадке и кастрации, производимые на взрослых животных, привели к современной теории пола; у позвоночных сома самцов и самок идентична, ее можно рассматривать как нейтральный эле-

51

мент; половые признаки она получает под воздействием гонады; некоторые вырабатываемые гормоны действуют как стимуляторы, другие тормозят процесс; сам половой путь по природе своей соматичен, и эмбриология показывает, что он формируется под воздействием гормонов, первоначально обладая свойствами обоих полов. В случае же если не было достигнуто гормональное равновесие и ни один из половых потенциалов в полной мере не реализовался, мы имеем дело с явлением интерсексуальности.

Когда же заканчивается процесс формирования, мужские и женские организмы, численно равные в пределах вида и прошедшие сходное развитие от идентичных основ, в сущности, представляются аналогичными. И те и другие характеризуются наличием желез, вырабатывающих гаметы, будь то яичник или семенники, а процессы сперматогенеза и овогенеза протекают, как мы уже видели, аналогично; железы эти выпускают свой секрет в канал, более или менее сложно организованный в зависимости от видовой иерархии, – у самки яйцо попадает прямо в яйцевод или же содержится прежде в клоаке или в матке; самец выпускает свое семя наружу, или же у него есть копуляторный орган, позволяющий ввести его в организм самки. Итак, структурно самцы и самки представляют собой два комплементарных типа. Чтобы уловить их своеобразие, следует рассмотреть их с точки зрения функций.

Чрезвычайно трудно дать универсальное определение понятия «самка». Определить ее как носительницу яйцеклеток, а самца – как носителя сперматозоидов совершенно недостаточно, так как отношение между организмом в целом и гонадами может сильно варьироваться. И наоборот, дифференциация гамет напрямую не затрагивает организма. Иногда, правда, считалось, что поскольку яйцеклетка больше сперматозоида, то она поглощает больше жизненных сил, но так как сперматозоидов вырабатывается несравнимо больше, затраты организма того и другого пола уравниваются. Еще пытались увидеть в сперматогенезе пример расточительства, а в овуляции – образец экономии; однако в этом явлении есть и своего рода бессмысленная щедрость: огромное большинство яйцеклеток никогда не будет оплодотворено. Во всяком случае, гаметы и гонады еще не дают нам полного представления о микрокосме организма. Его – то непосредственно и следует изучать.

Когда смотришь на различные уровни животного древа, бросается в глаза одна примечательная особенность: чем выше, тем более индивидуализирована жизнь. Внизу она всецело направлена на поддержание вида, наверху она проявляется через отдельные особи. У низших животных организм почти низведен до уровня воспроизводящей машины – в этом случае существует примат яйцеклетки, а значит, самки, поскольку для чистого повторения жизни предназначена прежде всего яйцеклетка; но тогда вся она представляет собой одну сплошную брюшную полость и сущест-

52

вованное ее всецело поглощено постоянной работой по чудовищной овуляции. По сравнению с самцом она приобретает гигантские размеры; но часто члены ее остаются в рудиментарном состоянии, тело представляет собой бесформенный мешок, все органы дегенерируют ради развития яиц. В действительности, хотя самец и самка – это два отдельных организма, в данном случае их вряд ли можно рассматривать как две особи, они составляют единое целое с неразрывно связанными элементами – перед нами промежуточные случаи между гермафродитизмом и гонохоризмом. Так, у представителей семейства *entoniseidae*, которые паразитами живут на крабах, самка – это нечто напоминающее белесую колбаску, окруженное чешуйками-инкубаторами, скрывающими в себе тысячи яиц; среди чешуек располагаются крошечные самцы и личинки, производящие самцов им на смену. Еще более ярко выражено порабощение карликового самца в семействе *edgioluni*: он прикрепляется у жаберной крышки самки, не имеет собственного пищевода, и роль его сводится исключительно к воспроизводству. Но во всех этих случаях самка порабощена не меньше его; она вся во власти вида; если самец прикован к своей супруге, то и сама она тоже прикована либо к живому организму, которым как паразит питается, либо к минеральному субстрату; всю себя она расходует на производство яиц, которые оплодотворяет крошечный самец. Когда жизнь принимает более сложные формы, намечается автономия каждой особи и связь между полами ослабляется; однако у насекомых оба они еще всецело подчинены производству яиц.

Часто, как, например, у поденок, оба супруга погибают сразу после совокупления и кладки яиц; иногда, как, например, у коловраток и комаров, самец, не имеющий пищеварительного тракта, погибает после оплодотворения, тогда как самка, обладающая способностью питаться, выживает – а все потому, что образование яиц и их кладка занимают какое-то время; мать гибнет, как только будет обеспечена судьба следующего поколения. Привилегированное положение, которое имеет самка многих насекомых, объясняется тем, что оплодотворение обычно протекает очень быстро, тогда как овуляция и кладка яиц требуют долгих усилий. Огромная, раскормленная царица термитов, производящая по одному яйцу в секунду до тех пор, пока не станет бесплодной и ее безжалостно не уничтожат, такая же рабыня, как и карликовый самец, прицепившийся к ее животу и оплодотворяющий яйца по мере их выбрасывания. В матриархате, который представляют собой муравейники и ульи, самцы всем только мешают и каждый сезон их убивают. В момент брачного лета все муравьи-самцы вылетают из муравейника к самкам; если им удастся нагнать и оплодотворить самку, они сразу же, истощенные, погибают; если нет, рабочие самки не пускают их обратно – убивают на пороге или оставляют умирать с голоду. Но и оплодотворенную самку ждет печальная участь: она в одиночестве за-

53

рывается в землю и часто погибает от истощения, откладывая первые яйца; если же ей удастся создать новый муравейник, она живет там двенадцать лет взаперти, беспрестанно откладывая яйца. Работницы, являющиеся самками с атрофированными половыми признаками, живут четыре года, но жизнь их всецело посвящена выращиванию личинок. То же самое у пчел; трутень, настигающий в своем брачном лете царицу, истерзанный падает на землю; остальных трутней принимают обратно в улей, где они ведут праздное никчемное существование, – в начале зимы с ними расправляются. Но и недоразвитые рабочие пчелы покупают право на жизнь ценой непрерывной работы; царица на самом деле – тоже раба улья; она беспрестанно откладывает яйца; а когда умирает старая царица и сразу много личинок выкармливаются так, чтобы быть способными претендовать на ее место, та, что вылупится первой, приканчивает остальных в колыбели, У гигантского паука самка откладывает яйца в мешок до тех пор, пока они не созревают; она гораздо крупнее и сильнее самца и иногда пожирает его после совокупления. Те же нравы наблюдаются и у богомола, вокруг которого сложился миф о всепожирающем женском начале; яйцеклетка оскопляет сперматозоид, самка богомола убивает супруга – эти факты якобы являются прообразом женской мечты о кастрации. Но в действительности такую жестокость самка богомола проявляет в основном в неволе; на свободе, имея достаточно обильное питание, она лишь изредка решает употребить в пищу самца; если она и съедает его, то делает это, как одинокая самка муравья, съедающая несколько собственных яиц, чтобы иметь силы откладывать новые яйца и обеспечивать постоянство вида. Видеть в этом предвестие «войны полов», сталкивающей между собой особей как таковых, – сущий бред. Нельзя говорить, что у муравьев, пчел или термитов, у паука или богомола самка поработает и пожирает самца – их обоих разными путями пожирает вид. Самка живет дольше и кажется важнее самца, но у нее нет ни малейшей самостоятельности; вся жизнь ее уходит на откладывание яиц, выведение личинок и заботу о них; все прочие ее функции полностью или частично атрофированы. В самце же, наоборот, проглядывает намек на индивидуальное существование. Часто в оплодотворении он проявляет больше инициативы, чем самка; он сам ищет ее, атакует, осязает, хватает ее и навязывает ей совокупление; иногда ему приходится сражаться с другими самцами. Сравнительно с самкой органы передвижения, осязания, хватания развиты у него лучше; многие бабочки-самки бескрылы, тогда как у их самцов есть крылья; окраска, надкрылья, лапки, щупальца у самцов развиты больше; а иногда все это богатство сопровождается никчемным блеском роскошных цветов. Если не считать мимолетного совокупления, жизнь самца бесполезна и бессмысленна. По сравнению с прилежанием рабочих пчел праздность трутней имеет заметное преимущество; но преимущество это постыдно, и часто самец жизнью

54

расплачивается за свое ничтожество, в котором проглядывает независимость. Вид, держащий в рабстве самок, карает самца за попытку этого рабства избежать – и грубо с ним расправляется.

На более развитых ступенях развития размножение становится производством дифференцированных организмов; оно делается двуликим; обеспечивая постоянство вида, воссоздает новые особи; эта новая сторона процесса утверждается по мере того, как все более индивидуальные черты приобретает каждая отдельная особь. Поразительно, что эти два момента обеспечения постоянства и созидания нового разделяются; такое разделение, намеченное

уже в момент оплодотворения яйца, содержится в комплексе явлений, связанных с производением потомства. И вызвано оно не структурой яйцеклетки – самка, как и самец, обладает определенной автономией, и связь ее с яйцеклеткой ослабляется. Самки рыб, земноводных, птиц – это уже далеко не только брюшная полость; и чем слабее ощущается связь матери с яйцом, чем менее всепоглощающим становится процесс изгнания плода, тем больше неопределенности наблюдается в отношениях родителей и их потомства. Случается, что заботы о новых ростках жизни берет на себя отец – так часто бывает у рыб. Вода является вполне подходящей средой для того, чтобы переносить яйцеклетки и сперму и обеспечивать их встречу; в водной среде оплодотворение почти всегда наружное; рыбы не совокупаются – самое большее они могут потеряться друг о друга, чтобы друг друга стимулировать. Мать выпускает яйцеклетки, отец – семя – роль их одинакова. Признавать яйца своими у матери оснований не больше, чем у отца. В некоторых видах родители бросают свои яйца, и те развиваются без посторонней помощи; иногда мать заранее готовит им гнездо; иногда, бывает, она заботится о них после оплодотворения; но очень часто ими занимается отец: сразу же после оплодотворения он подальше отгоняет самку, которая норовит их съесть, и рьяно защищает от всякого, кто к ним приблизится; есть и такие, что строят гнездо-убежище, выпуская пузырьки воздуха, покрытые изолирующим веществом; а бывает, что они вынашивают яйца во рту или, как морской конек, в складках живота. Аналогичные явления наблюдаются у земноводных: настоящего совокупления они не знают; самец обвивает самку и своими объятиями стимулирует кладку яиц: по мере того как яйца изгоняются из клоаки, он изгоняет семя. Очень часто – в частности, у жаб, известных под названием жаб-повитух, – отец наматывает себе на лапы цепочки яиц, переносит их за собой и обеспечивает выведение потомства. У птиц образование яйца внутри организма самки происходит довольно медленно, яйцо бывает относительно крупное и изгоняется достаточно тяжело; с матерью у него связь гораздо более тесная, чем с отцом, оплодотворившим его во время быстрого совокупления. Обычно самка высиживает яйцо, потом заботится о птенцах, отец же принимает участие в строительстве гнезда, в защите и питании птенцов; в редких случаях – на-

55

пример, у воробьиных – он и высиживает яйца, и выращивает птенцов. Зоб самца и самки голубя выделяет нечто вроде молока, которым они кормят птенцов. Примечательно, что во всех случаях, когда отец играет роль кормильца, на весь период заботы о потомстве сперматогенез прекращается; занятый поддержанием жизни, он не испытывает потребности породить ее новые формы.

Наиболее сложные формы и наиболее конкретное индивидуальное выражение жизнь получает у млекопитающих. И тогда разрыв между двумя жизненно важными моментами – поддержания и сотворения – окончательно закрепляется в разделении полов. В этом классе животных – если брать только позвоночных – мать поддерживает со своим потомством самую тесную связь, а отец более чем где-либо устраняется от этих забот; весь организм самки приспособлен к нуждам материнства и регулируется ими, тогда как половая инициатива достается в удел самцу. Самка – это жертва вида. На протяжении одного или двух сезонов, в зависимости от вида, вся жизнь ее определяется половым циклом – циклом астральным, продолжительность которого, как и периодичность, варьируется от вида к виду; цикл этот распадается на две фазы: во время первой фазы созревают яйцеклетки (в разном для каждого вида количестве), а в матке идет процесс подготовки к имплантации; во время второй фазы происходит омертвление жировых клеток, приводящее к изгнанию из организма получившегося таким образом вещества в виде белых выделений. Эструс соответствует периоду течки; но течка у самки носит пассивный характер; она готова принять самца, она ждет его; бывает даже у млекопитающих – как и у некоторых птиц, – что она домогается его; но это ограничивается призывными криками, демонстрацией себя и своего желания – навязать совокупление она неспособна. В конечном счете решение зависит от него. Мы видели, что даже у насекомых, где самка, полностью принося себя в жертву виду, обеспечивает себе большие преимущества, оплодотворение обычно исходит от самца; у рыб он часто побуждает самку к метанию икры своим присутствием или прикосновением; у земноводных выполняет функцию стимулятора. У птиц же и млекопитающих он просто навязывает себя самке; часто она терпит его равнодушно, а то и сопротивляется. Но даже если она провоцирует и соглашается, все равно берет он – а она бывает взята. Часто это слово очень точно выражает суть явления: может быть, оттого, что у самца есть соответствующие органы, может быть, оттого, что он сильнее, он хватает самку и не дает ей двигаться; он же и совершает активные движения при совокуплении; у многих насекомых, у птиц и млекопитающих он проникает в

нее. Она предстает как внутренняя цельность, над которой совершается насилие. Насилие это – не над видом, ибо вид сохраняет свое постоянство, лишь постоянно воспроизводя себя, он умер бы, если бы яйцеклетки и сперматозоиды не встретились. Однако, призванная оберегать яйцо, самка скрывает его в себе,

56

и ее тело, служащее укрытием для яйцеклетки, изолирует ее также и от оплодотворяющего воздействия самца.

Таким образом, тело это представляет собой сопротивление, которое необходимо сломить, а проникая в него, самец реализует себя как активную силу. Его доминирующее положение выражается в самой позе совокупления: почти у всех животных самец располагается над самкой. Орган, используемый при этом, разуемее, материален, но здесь он представляется как нечто неодушевленное – это инструмент; тогда как женский орган в этой операции выступает как инертное принимающее устройство. Самец изливает туда семя – самка принимает его. Таким образом, хотя роль самки в производстве потомства фундаментально активна, она терпит совокупление, которое отчуждает ее от самое себя через проникновение и внутреннее оплодотворение. Хотя она и испытывает половое влечение как индивидуальную потребность, поскольку во время течки ей случается самой искать самца, половое приключение она переживает в данный конкретный момент как факт внутренней жизни, а не как связь с миром и другими. А фундаментальное различие между самцом и самкой млекопитающих заключается в том, что сперматозоид, через который жизнь самца трансцендирует в другое существо, отделяется от его тела и в то же самое мгновение становится ему чужим; таким образом, в тот момент, когда он выходит за пределы своей индивидуальности, он снова в ней замыкается. Яйцеклетка же, напротив, начинает отделяться от самки, когда, созрев, освобождается из фолликула и попадает в яйцевод; но при попадании в нее чуждой гаметы она обосновывается в матке – претерпев насилие, самка переживает отчуждение от самой себя. Она носит плод в своем чреве до определенной стадии созревания, различной для каждого вида, – морские свинки рождаются почти взрослыми, а щенки – близкими к зародышевому состоянию. На протяжении всего периода беременности в самке живет другое существо, питающееся ее субстанцией, а значит, она одновременно является и не является самой собой. После родов она кормит новорожденного молоком из своих сосков. Получается, что даже непонятно, когда его можно считать чем-то автономным – в момент оплодотворения, рождения или отнятия от груди. Примечательно, что, чем больше самка проявляется как отдельная особь, тем более властно заявляет о себе живая преемственность, невзирая ни на какую индивидуализацию; рыбы и птицы, изгоняющие девственные яйцеклетки или оплодотворенные яйца, находятся в меньшей зависимости от своего потомства, чем самка млекопитающих. После рождения детенышей последняя вновь обретает самостоятельность – и тогда между нею и ними устанавливается дистанция; и именно с момента их отделения она посвящает себя им; занимаясь ими, она проявляет инициативу и изобретательность, сражается, защищая их от других животных,

57

и даже становится агрессивной. Но обычно она не стремится утвердить свою индивидуальность; она не противопоставляет себя самцам или другим самкам; у нее почти нет боевого инстинкта¹; вопреки утверждениям Дарвина, ныне признанным ложными, она, не особенно выбирая, соглашается на любого самца. И дело не в том, что она не обладает индивидуальными особенностями, – напротив, в периоды, свободные от бремени материнства, она порой может сравняться с самцом; кобыла бегает так же быстро, как жеребец, у охотничьей суки такой же нюх, как и у кобеля; самки обезьяны при тестировании оказываются такими же умными, как и самцы. Просто эта индивидуальность не нуждается в самоутверждении – самка отрывается от нее для пользы вида, который требует этого отречения.

У самца судьба совершенно иная; мы только что видели, что даже в самом выходе за пределы своего «я» он отделяется и утверждается в себе самом. Черта эта постоянна от насекомых до высших животных. Даже рыбы и китообразные, живущие косяками, безвольно слившись с коллективом, вырываются из него в брачный период; они уединяются и становятся агрессивными по отношению к другим самцам. Если у самки пол проявляется непосредственно, то у самца он носит опосредованный характер; между желанием и его утолнением существует дистанция, которую он активно заполняет; он двигается, ищет самку, трогает, ласкает, удерживает ее и, наконец, в нее проникает; органы, отвечающие за быстроту реакции, передвижение и хватание, у него часто развиты лучше. Примечательно, что живой импульс, вызывающий в нем умножение сперматозоидов, выражается также в появлении яркого оперения, блестящей чешуи, рогов, гривы, в пении и

возбужденном поведении. Сейчас уже не считается, что «свадебный наряд», в который он облачается в брачный период, или повадки обольстителя имеют перед собой какую-либо селекционную цель – они являются проявлением жизненной мощи, которая обильно и пышно расцветает в нем в этот период. Такая жизненная щедрость, активность в преддверии совокупления и утверждение своего превосходства и власти в самом акте – вот составляющие, на основе которых личность полагает себя как таковую в момент выхода за пределы своего «я», и в этом смысле прав Гегель, увидевший в самце элемент субъективный и считавший самку пленницей вида. Субъективность и разделение сразу означают конфликт. Агрессивность – это один из признаков самца в брачный период; ее нельзя объяснить соревнованием, поскольку число самок практически равно числу самцов; скорее соревнование объясняется этой воинственностью. Можно подумать, что, 1 некоторые куры спорят из-за лучших мест в курятнике и с помощью клюва устанавливают в своих рядах иерархию. Бывают также коровы, которые в отсутствие самцов силой завоёвывают себе место во главе стада.

58

перед тем как породить потомство, самец, требующий, чтобы акт продления вида был его собственным актом, отстаивает в борьбе с себе подобными истинность своей индивидуальности. Вид пребывает в самке и поглощает значительную часть ее индивидуальной жизни; самец же, наоборот, вовлекает в свою индивидуальную жизнь специфические жизненные силы. Разумеется, и он подвластен законам, превосходящим его самого, в нем происходит сперматогенез, периодически наступает период гона; но в этих процессах организм в целом задействован гораздо меньше, чем в эстральном цикле; производство сперматозоидов не требует никаких усилий, как, впрочем, и овогенез в чистом виде, а вот развитие яйца и превращение его во взрослое животное является для самки изнурительным трудом. Соположение представляет собой быструю операцию, не снижающую жизненной силы самца. Он почти совсем не проявляет отцовского инстинкта. Очень часто он покидает самку после совокупления. Когда же он остается возле нее как глава семейной группы (моногамной семьи, гарема или стада), то играет роль покровителя и кормильца по отношению к коллективу в целом и редко интересуется непосредственно детенышами. В этих благоприятных для расцвета индивидуальной жизни видах стремление самца к самостоятельности – которое у низших животных стоит ему жизни – увенчивается успехом. Он обычно больше, крепче, быстрее, отважнее самки; ведет более независимый образ жизни, больше волен выбирать себе занятия, в нем больше победительности, больше властности – в обществах животного мира повелевает всегда он. В природе ничто не бывает ясно до конца: два типа, самец и самка, не всегда четко различаются; иногда между ними наблюдается диморфизм – в окраске, расположении пятен и крапинок, – который кажется совершенно случайным; а бывает, что они неразличимы и различия в их функциях так же незначительны, как – мы уже видели – у рыб. Однако в целом и в особенности на высших уровнях животного древа два пола представляют собой два разных аспекта жизни вида. Они противопоставляются друг другу не как активность и пассивность, как неоднократно утверждалось; мало того что активно ядро яйцеклетки, развитие зародыша также является живым, а не механическим процессом. Было бы слишком просто противопоставить их как изменчивость и постоянство: сперматозоид созидает, лишь поскольку его жизнеспособность поддерживается в яйце; яйцеклетка не может поддерживать свое существование, не превосходя самое себя, иначе она регрессирует и дегенерирует. Однако справедливо, что в этих равно активных операциях – поддержания и созидания – синтез становления совершается по-разному. Поддерживать – значит отрицать дисперсность времени и в потоке мгновений утверждать непрерывность; созидать – значит выявить во временном единстве отдельное, неделимое настоящее; и справедливо

59

также, что в самке прежде всего стремится к реализации непрерывность жизни, а не разделение на составные части (сепарация); тогда как любая новая, индивидуализированная сила выделяется из целого по инициативе самца, то есть ему дозволено утверждать себя в своей автономности; эту специфическую энергию он привносит в свою жизнь. Индивидуальность самки, напротив, оспаривается интересами вида; она оказывается во власти посторонних сил – то есть отчуждена. И поэтому, когда индивидуальность организма становится более ярко выраженной, противоположность полов не сглаживается, а наоборот. Самец находит все больше и больше путей для применения сил, которые оказываются в его распоряжении; самка все больше и больше чувствует свою порабощенность; заложенный в ней конфликт между собственными интересами и интересами продолжения рода обостряется. У коров и лошадей роды гораздо болезненнее и опаснее, чем у мышей и кроликов. Женщина – самая

индивидуализированная из самок – является также и наиболее уязвимой, драматичнее других переживает свою участь и наиболее кардинально отличается от своего самца.

У людей, как и в большинстве видов, представителей каждого пола рождается примерно поровну (100 девочек на 104 мальчика); развитие зародышей происходит аналогично; правда, у зародышей женского пола первичный эпителий дольше остается нейтральным; из этого следует, что он дольше испытывает влияние гормональной среды и что направление его развития чаще может быть изменено; предполагается, что большая часть гермафродитов имела женский генотип и маскулинизировалась впоследствии – создается впечатление, что организм мужского пола сразу определяется как таковой, тогда как зародыш женского пола колеблется, прежде чем принять свой пол; но об этих первых проявлениях жизни плода пока еще слишком мало известно, чтобы можно было делать какие-то выводы. Когда складывается система половых органов, оказывается, что у обоих полов она аналогична; и те и другие гормоны принадлежат к одной и той же химической группе – группе стероидов – и являются в конечном счете продуктом холестерина; от них зависит дифференциация вторичных половых признаков. Ни их формула, ни особенности анатомического строения не определяют самку человека как таковую. Лишь функциональное развитие отличает ее от самца. Мужчина развивается сравнительно просто. С рождения до половой зрелости он более или менее равномерно растет; к пятнадцати-шестнадцати годам начинается сперматогенез, который непрерывно продолжается до старости; его наступление сопровождается выработкой гормонов, определяющих мужскую конституцию сомы. С этого момента мужчина живет половой жизнью, которая, как правило, составляет часть его индивидуального существования: в желании и совокуплении его выход за пределы своего «я» к виду совпадает

60

с субъективным моментом трансценденции – он есть тело. У женщины все гораздо сложнее. Уже на стадии зародыша окончательно определяется запас ооцитов; в яичнике содержится около пятидесяти тысяч заключенных в фолликулы яйцеклеток, из которых примерно четыреста достигнут зрелости; вид берет власть над женщиной с момента ее рождения и сразу пытается утвердиться; при появлении на свет женщина переживает нечто вроде первого полового созревания; ооциты внезапно начинают расти; потом яичник сокращается примерно на одну пятую – как будто ребенку дают передышку. В то время как женский организм развивается, система половых органов остается почти без изменений – некоторые фолликулы раздуваются, но зрелости не достигают, Рост девочки аналогичен росту мальчика: в одном и том же возрасте она часто бывает выше и весит больше, чем он. Но в момент наступления половой зрелости вид снова вступает в свои права: под влиянием выделений яичника увеличивается число фолликулов, начавших расти, яичник наливается кровью и увеличивается в объеме, одна яйцеклетка достигает зрелости, и начинается менструальный цикл; система половых органов приобретает окончательные размеры и форму. Сомы становится женской, устанавливается эндокринное равновесие. Примечательно, что это событие имеет характер кризиса; тело женщины сопротивляется, прежде чем дать виду обосноваться в нем; борьба ослабляет ее, подвергает опасности. До наступления половой зрелости мальчиков и девочек умирает примерно одинаково; от четырнадцати до восемнадцати лет умирает 128 девочек на 100 мальчиков, а с восемнадцати до двадцати двух – 105 девочек на 100 мальчиков. Именно в этот момент часто появляются анемия, туберкулез, сколиоз, остеомиелит и пр. У одних субъектов половая зрелость наступает намного раньше нормального срока – в четыре-пять лет. У других, наоборот, никак не может начаться – тогда субъект инфантилен, страдает аменореей или дисменореей. У некоторых женщин наблюдаются признаки вирилизма: излишние выделения коры надпочечников сообщают им мужские вторичные половые признаки. Эти аномалии абсолютно не означают победу индивида над тиранией рода – ее никак нельзя избежать, ибо, поработав индивидуальную жизнь, она в то же время ее питает. Этот дуализм выражается на уровне функций яичника; у женщины жизненная сила коренится в яичнике, как у мужчины – в семенниках; в обоих случаях оскопленный индивид не просто бесплоден – он регрессирует и дегенерирует. Несформированный, плохо сформированный организм ощущает себя обездоленным и выведенным из равновесия; он живет полноценной жизнью лишь при условии полного функционирования половой системы; и в то же время многие явления полового цикла не представляют никакой пользы для индивидуальной жизни субъекта и даже подвергают его опасности.

61

Молочные железы, которые развиваются в момент полового созревания, не играют никакой роли в индивидуальной организации женского организма: в любой момент жизни их можно ампутировать. Многие выделения яичника имеют

своей единственной целью созревание яйцеклетки и приспособление матки к ее нуждам: для организма в целом они скорее являются не регулирующим, а нарушающим равновесие фактором; женщина больше приспособлена к нуждам яйцеклетки, чем к своим собственным. От наступления половой зрелости до климакса женщина представляет собой арену событий, разворачивающихся внутри нее, но к ней лично отношения не имеющих. Англосаксы зовут менструацию the curse – «проклятие»; и действительно, менструальный цикл не преследует никакой индивидуальной цели. Во времена Аристотеля считалось, что каждый месяц уходит та кровь, что в случае оплодотворения составила бы кровь и плоть младенца; истинность этой старой теории заключается в том, что организм женщины беспрестанно трудится над намечающейся беременностью. У других млекопитающих астральный цикл длится всего лишь один сезон; он не сопровождается кровянистыми выделениями – только у высших обезьян он повторяется ежемесячно и несет с собой боль и кровь. В течение примерно четырнадцати дней один из графовых пузырьков, заключающий в себе яйцеклетку, увеличивается в объеме и созревает, тогда как яичник секреторирует гормон, образующийся на уровне фолликулов и называемый фолликулином. На четырнадцатый день происходит овуляция: стенки фолликула разрываются (что иногда сопровождается легким кровоизлиянием), яйцо попадает в трубы, в то время как лопнувший фолликул развивается в желтое тело. Тогда начинается вторая, или лютеиновая, фаза, характеризующаяся секрецией гормона прогестерона, воздействующего на матку. Матка видоизменяется: капилляры стенки наливаются кровью, сама стенка матки сморщивается, собирается в складки, образуя нечто вроде кружев; так в матке создается колыбель, готовящаяся принять оплодотворенное яйцо. Поскольку эти клеточные превращения носят необратимый характер, в случае если оплодотворения не происходит, все эти образования не рассасываются – возможно, у других млекопитающих ненужные остатки выводятся через лимфатические сосуды. У женщины же, когда рушатся эндометральные (то есть на слизистой оболочке стенки матки) кружева, происходит отслоение слизистой оболочки, лопаются капилляры и масса крови просачивается наружу. Затем, пока дегенерирует желтое тело, слизистая оболочка восстанавливается, и начинается новая фолли

1 Анализ этих явлений далеко продвинулся за последние годы благодаря сопоставлению процессов, происходящих у женщины, с теми, что наблюдаются у высших обезьян, а именно у резусов. «Разумеется, на этих животных экспериментировать легче», – пишет Луи Гальен («Пол»).

62

кулярная фаза. Этот сложный процесс, еще достаточно таинственный в некоторых тонкостях, приводит в движение весь организм, ибо сопровождается секрецией гормонов, которые воздействуют на щитовидную железу и гипофиз, на центральную и вегетативную нервную систему, а следовательно, на все внутренние органы.

Почти все женщины – более 85 процентов – испытывают в этот период недомогание. Перед началом кровянистых выделений артериальное давление повышается, затем падает; частота пульса и нередко температура повышаются – известны случаи появления жара; низ живота начинает болеть; наблюдается тенденция к запору, а потом к расстройству желудка; бывает также увеличение печени, задержка мочи, альбуминурия. У многих возникает гиперемия слизистой оболочки (болезнь горла), у некоторых – нарушение слуха и зрения; потовыделение увеличивается и в начале месячных сопровождается специфическим запахом, который может оказаться очень сильным и сохраняться до конца менструации. Основной обмен веществ увеличивается. Число красных телец сокращается; в то же время кровь переносит вещества, обычно содержащиеся в тканях, в частности соли кальция; наличие этих солей воздействует на яичник и на щитовидную железу, которая гипертрофируется, на гипофиз, управляющий изменением слизистой оболочки стенки матки, деятельность которого активизируется; такая нестабильность желез приводит к сильной нервной возбудимости – затронута центральная нервная система, часто бывают головные боли, реакция вегетативной нервной системы возрастает; наблюдается снижение автоматического контроля со стороны центральной нервной системы, таким образом, высвобождаются рефлексы и конвульсивные комплексы, что выражается в сильных перепадах настроения – женщина более возбудима, более нервна и раздражительна, чем обычно, у нее могут случаться серьезные психические расстройства. В этот период она особенно мучительно ощущает свое тело как нечто непроницаемое и отчужденное; оно становится добычей посторонней жизни, которая каждый месяц упрямо снова и снова строит в нем свою колыбель; каждый месяц подготавливается рождение ребенка, и каждый месяц вместе с красными кружевами происходит его выкидыш; женщина, как и мужчина, есть тело¹, но тело ее – это нечто другое, чем она сама. Известно женщине и более глубокое отчуждение, когда оплодотворенное яйцо

опускается в матку и там развивается. Конечно, беременность – это нормальное явление, которое, протекая в условиях

1 «Итак, я – это мое тело, во всяком случае в меру моего опыта, и наоборот, мое тело – это нечто вроде естественного субъекта, предварительного наброска моего существа в целом» [Мерло-Понти. Феноменология восприятия]. 63

нормального здоровья и питания, не приносит вреда матери; между нею и плодом даже устанавливается благотворное для нее взаимодействие. И все же вопреки оптимистической теории, явно имеющей социальную направленность, беременность представляет собой изнурительный труд, не приносит женщине никакой индивидуальной пользы¹, а, напротив, требует тяжелых жертв. В первые месяцы она часто сопровождается отсутствием аппетита и рвотой, чего не бывает ни у одной другой самки и что выражает бунт организма против овладевающего им рода; уменьшается содержание в организме фосфора, кальция, железа, причем последний дефицит впоследствии трудно восполнить; сверхактивный обмен веществ действует на эндокринную систему; нервная система находится в состоянии повышенной возбудимости; что касается крови, ее удельный вес уменьшается, возникает анемия, кровь становится похожа на «кровь недоедающих, истощенных, претерпевших неоднократные кровопускания, выздоравливающих после болезни»².

Единственное, на что может надеяться здоровая и хорошо питающаяся женщина, – это без особого труда восполнить после родов все эти затраты. Но часто во время беременности возникают серьезные осложнения или по меньшей мере опасные нарушения; и если женщина недостаточно сильна или не очень тщательно следит за гигиеной, материнство может преждевременно деформировать ее и состарить – известно, как часто это бывает в деревнях. Сами роды болезненны – и опасны, в этот кризисный момент особенно отчетливо видно, что тело не всегда удовлетворяет и род и индивид вместе; случается, что ребенок умирает, или при появлении на свет убивает свою мать, или его рождение влечет за собой хронические заболевания. Кормление грудью также представляет собой изнурительный труд; целый ряд факторов, главный из которых, вероятно, появление нового гормона – прогестерона, вызывает выделение молока в молочных железах; прилив молока бывает болезненным и часто сопровождается жаром, кормящая женщина вскармливает новорожденного за счет своих собственных жизненных сил. Конфликт род–индивид, который при родах часто принимает драматические формы, делает женское тело хрупким и уязвимым. Часто случается слышать, что у женщин «боли в животе»; и действительно, она заключает в себе враждебный элемент – ее изнутри подтачивает род. Многие женские болезни происходят не от заражения извне, а от внутренних нарушений – так, ложный метрит является реакцией слизистой оболочки стенки матки на чрезмерное возбуждение яичника; если желтое тело не рассосется после менструа-

1 В данном случае я стою на чисто физиологической точке зрения. Разумеется, психологически материнство может быть для женщины чрезвычайно благотворно, как может оказаться и большим бедствием.

2 См.: Н. Vignes. Traite de Physiologie, t. XI, dirige par Roger et Binet. 64

ции, а останется в организме, это приведет к сальпингиту, эндометриту и т.д.

Освобождается из-под власти рода женщина также через тяжелый кризис; между сорока пятью и пятьюдесятью годами протекает процесс климакса, обратный процессу полового созревания. Деятельность яичника сокращается, а то и совсем прекращается – и это прекращение влечет за собой снижение жизненной активности организма. Предполагается, что железы внутренней секреции – щитовидная железа и гипофиз – стараются восполнить недостаточность яичника; и таким образом, рядом с климактерической депрессией наблюдаются явления резкого скачка: климактерические приливы, приступы гипертонии, повышенная нервозность; иногда отмечается обострение полового инстинкта. У некоторых женщин при этом происходит ожирение тканей, другие становятся мужеподобны. У многих восстанавливается эндокринное равновесие. И тогда женщина оказывается избавленной от тяжелых обязанностей самки; ее нельзя сравнивать с евнухом, ибо ее жизненная сила остается неприкосновенной; в то же время она больше не является добычей превосходящих ее сил – она совпадает сама с собой. Иногда говорили, что пожилые женщины образуют «третий пол»; и действительно, они не самцы, но уже и не самки; и часто эта физиологическая автономия выражается в здоровье, равновесии и бодрости, которых у них раньше не было.

На чисто половые отличия у женщины накладываются особенности, прямо или косвенно из них вытекающие, – это гормональные воздействия, определяющие ее сому. В среднем она ниже мужчины ростом, меньше весит, у нее более хрупкий скелет, таз шире, приспособлен к функциям беременности и родов; в

соединительных тканях накапливается жир, что делает формы более округлыми, чем у мужчины; общий вид – морфология, кожа, волосистой покров и т.д. – совершенно различен у двух полов. Женщина обладает гораздо меньшей, чем мужчина, мускульной силой – равной примерно двум третям мужской силы; ее дыхательные способности развиты слабее; легкие, трахея и гортань меньше по объему; различием в размерах гортани объясняется и различие голоса. Удельный вес крови у женщин меньше: соответственно, ниже фиксация гемоглобина, а значит, они физически менее крепки, больше предрасположены к анемии. Пульс у них чаще, сосудистая система менее стабильна; они легче краснеют. Поразительно, насколько нестабильность свойственна женскому организму в целом; у мужчины же, помимо всего прочего, наблюдается и стабильный метаболизм кальция; при том что женщина фиксирует гораздо меньше известковых солей, она еще и расходует их при месячных и во время беременности; похоже, что яйцеклетки оказывают на кальций разрушающее действие; эта нестабильность влечет за собой нарушение функций яичника и щитовидной железы, которая у женщины развита больше, чем у мужчины, а нерегулярность эндокринных выделений воздействию-

65

ет на вегетативную нервную систему; и нервный мышечный контроль осуществляется не в полной мере. Этот недостаток стабильности и контроля влечет за собой эмоциональную возбудимость, напрямую связанную с сосудистыми колебаниями; сердцебиением, покраснением и др., – и отсюда конвульсивные реакции: слезы, приступы смеха, истерики. Итак, мы видим, что многие из этих черт опять же проистекают из подчиненности женщины роду. Самый поразительный вывод из проведенного исследования заключается в следующем; из всех самок млекопитающих она переживает самое глубокое отчуждение и наиболее неистово ему сопротивляется; ни у одной самки нет столь настойчивого подчинения всего организма функции воспроизводства, ни у одной это порабощение не принимается с таким трудом; кризис полового созревания и климакса, ежемесячное «проклятие», долгая и часто тяжелая беременность, болезни, а иногда и опасные роды, болезни, осложнения – все это свойственно самке человека. Можно подумать, что судьба ее тем тяжелее, чем больше она ей противится, утверждая себя как индивид. Если сравнить ее с мужчиной, становятся очевидными несравненные преимущества положения последнего; его половая жизнь не противоречит личному существованию; она протекает равномерно, без кризисов и обычно без осложнений. В среднем женщина живет столько же, сколько мужчина; но она гораздо чаще болеет и в течение многих периодов не принадлежит себе.

Эти биологические данные чрезвычайно важны: в истории женщины они играют первостепенную роль и являются наиболее существенным элементом ее ситуации – во всех наших дальнейших рассуждениях нам не раз придется к ним обращаться. Ибо тело – это инструмент, с помощью которого мы подступаем к миру, а мир представляется совершенно по-разному в зависимости от способа его постижения. Поэтому мы так долго занимались исследованием этих данных; в них – один из ключей, помогающих понять женщину. Но мы отрицаем мысль, что они будто бы раз и навсегда определяют ее судьбу. Для установления иерархии полов этих данных недостаточно; они не объясняют, почему женщина – Другой; они не обрекают ее навсегда оставаться в подчиненном положении. Нередко случалось слышать, будто одной физиологии достаточно, чтобы ответить на вопросы, одинаковы ли у обоих полов шансы на успешную самореализацию и какой пол играет в жизни рода более важную роль. Однако постановка первой проблемы неодинакова в случае женщины и других самок, ибо животные представляют собой полностью сложившиеся виды, которым можно дать статичные описания: достаточно обработать данные наблюдений, чтобы установить, уступает кобыла в скорости

66

жеребцу или нет, лучше справляются шимпанзе-самцы с интеллектуальными тестами, чем их подруги, или хуже; человечество же постоянно находится в состоянии становления. Некоторые ученые-материалисты попробовали подойти к проблеме без учета динамики: проникнувшись теорией психофизиологического параллелизма, они попытались установить математические соотношения между мужским и женским организмами – и вообразили, что результаты этих измерений непосредственно выражают их функциональные способности. Для примера приведу одну из праздных дискуссий, порожденных этим методом. Поскольку предполагалось, что мозг каким-то таинственным способом вырабатывает мысль, казалось очень важным решить, весит ли мозг женщины меньше мужского или столько же. Выяснилось, что в среднем первый весит 1220 граммов, а второй – 1360, причем вес женского мозга колеблется от 1000 до 1500 граммов, а вес мужского – от 1150 до 1700. Но абсолютный вес не показатель – было решено исходить из веса относительного. Выяснилось, что

Второй пол. С. Бовуар filosoff.org

он составляет $1/48,4$ у мужчины и $1/44,2$ у женщины. Казалось бы, преимущество за ней. Нет, требуется еще одна поправка: в подобных сравнениях преимущество всегда на стороне меньшего по размерам организма; чтобы по всем правилам абстрагироваться от тела, сравнивая две группы индивидов, следует разделить вес мозга на вес тела в степени $0,56$, в случае если они принадлежат к одному виду. Мужчина и женщина при этом рассматриваются как два разных типа. Все это приводит к следующим результатам;

2. 73

2. 74

1360

Для мужчины: $? 0,56 = 498$

498 1220

Для женщины: $? 0,56 = 446$

446

Получается примерное равенство. Но интерес к этим ученым дебатам был в значительной степени утрачен оттого, что никакой связи между весом мозга и умственным развитием установить не удалось. Точно так же не удается дать психическую интерпретацию химическим формулам, определяющим мужские и женские гормоны. Мы же категорически отрицаем идею психофизиологического параллелизма; это доктрина, основы которой были давно и окончательно подорваны. Я останавливаюсь на ней лишь потому, что, будучи философски и научно опровергнутой, она все же продолжает не давать покоя многим умам – впрочем, в иных умах сохраняются и более древние пережитки. Мы также отрицаем любую систему координат, подразумевающую существование природной иерархии ценностей, например эволюционной иерархии; совершенно бессмысленно задаваться вопросом, является ли женское тело более инфантильным, чем мужское, или

67

нет, больше или меньше оно приближается к телу высших приматов и т.д. Все эти рассуждения, в которых весьма туманный натурализм перемешан с еще более туманными этикой и эстетикой, – чистейшее словоблудие. Сравнить самку и самца человека можно лишь в личностной перспективе. Но человек определяется не как изначально данное существо, а как существо, которое само себя делает тем, что оно есть. Как справедливо заметил Мерло-Понти, человек – это не природный вид, это историческая идея. Женщина – это не застывшая реальность, а становление; и только в становлении следует сопоставлять ее с мужчиной, то есть следует определить ее возможности; огромное количество дебатов теряют смысл из-за желания свести женщину к тому, чем она была, или к тому, что она есть сегодня, в то время как речь идет о ее способностях; не подлежит сомнению, что способности проявляются со всей очевидностью, только когда они реализованы, – но не подлежит сомнению также и то, что, рассматривая существо, суть которого есть трансценденция и выход за пределы своего «я», никогда нельзя подводить черту.

В то же время, скажут мне, в принятой мною перспективе – перспективе Хайдеггера, Сартра, Мерло-Понти, – если тело не является вещью, оно является ситуацией: оно предопределяет наш подступ к миру и задает направленность нашим проектам. Женщина слабее мужчины; она обладает меньшей мускульной силой, меньшим количеством красных кровяных телец, меньшими дыхательными способностями; она медленнее бежит, поднимает меньший вес, и нет практически ни одного вида спорта, в котором она могла бы соревноваться с мужчиной; не может она и выдержать с ним борьбу. К этой слабости надо еще прибавить нестабильность, недостаточность контроля и уязвимость, о которых мы уже говорили, – все это факты. Таким образом, ее подход к миру оказывается более ограниченным; в ее проектах меньше твердости и настойчивости, да и осуществлять их она менее способна. Получается, что ее индивидуальная жизнь не столь богата, как у мужчины.

По правде говоря, отрицать эти факты невозможно – но их смысл определяется множеством факторов. Как только мы соглашаемся рассматривать личностную перспективу, в которой тело определяется исходя из понятия существования, биология становится абстрактной наукой, Стоит какому-либо физиологическому качеству (меньшая мускульная сила) приобрести определенное значение, как это значение сразу же оказывается зависящим от всего контекста; слабость обнаруживает себя как таковая лишь в свете поставленных перед собой человеком целей, имеющих в его распоряжении инструментов и установленных им над собой законов. Если бы он не хотел постигать мир, сама идея подступа к нему не имела бы смысла; когда же для этого постижения не требуется применения всей полноты телесной силы, в пределах границы используемого минимума различия стираются. Там, где нравы воспрещают насилие, господство не может быть основан-

68

ным на мускульной энергии – чтобы конкретно определить понятие «слабость», нужны экзистенциальные, экономические и моральные обоснования. Как-то человеческий род был назван словом «антифизис»; оно не совсем точно, ибо человек не может опровергнуть данность, но он определяет данность как истинную в зависимости от того, каким образом он ее на себя принимает; природа реальна для него лишь в той мере, в какой он воспроизводит ее в своем действии, – не составляет исключения и его собственная природа. Абстрактно определить, насколько тяжело для женщины бремя детородной функции, столь же невозможно, как невозможно определить суть ее подхода к миру. У животных отношение материнства к индивидуальной жизни естественно регулируется циклом течек и сменой времен года – у женщины же оно неопределенно и может быть установлено только обществом. В зависимости от того, требует ли общество большей или меньшей рождаемости, в зависимости от гигиенических условий, в которых протекают беременность и роды, порабощение женщины родом бывает более или менее полным. Итак, если мы можем сказать, что у высших животных индивидуальное существование самца утверждает себя с большей настойчивостью, чем существование самки, то у человека его индивидуальные «возможности» зависят от экономического и социального положения.

Кстати говоря, далеко не всегда индивидуальные привилегии самца обеспечивают ему господствующее положение внутри рода; через материнство самка отвоевывает себе некоторую автономию. Иногда самец навязывает свое господство: так, например, получается в случае обезьян, изученных Цукерманом; но часто определенный образ жизни ведут сообща оба супруга; лев на равных разделяет с львицей заботы о жилище. Здесь опять же случай человека не сводим ни к какому другому виду; люди в первую очередь определяются не как индивиды; мужчины и женщины никогда не сталкивались друг с другом один на один; пара изначально является особым *mitsein*; сама по себе она представляет собой постоянный или переходный элемент более многочисленного коллектива; так кто же – мужчина или женщина – в рамках этих общественных образований более необходим роду? На уровне гамет, на уровне биологических функций зачатия и беременности, мужское начало созидает, чтобы поддерживать, женское – поддерживает, чтобы созидать. Что же происходит с этим разделением в общественной жизни? Для видов, живущих на других организмах или на субстратах, для тех, которым природа дает корм без труда и в изобилии, роль самца ограничивается оплодотворением; когда же надо искать, охотиться, бороться, чтобы обеспечить детенышей необходимым питанием, самец часто помогает в уходе за ними; помощь эта становится совершенно необходимой в тех видах, где дети еще долго после отрыва от материнской груди неспособны позаботиться о собственных нуждах, – тогда участие самца становится крайне важным, без него порожденная им

жизнь не сможет поддержать себя. Одного самца достаточно, чтобы ежегодно оплодотворять множество самок, но, чтобы дети выжили после рождения, чтобы защитить их от врагов, чтобы вырвать у природы все, в чем они нуждаются, необходимы именно самцы. Равновесие производящих и воспроизводящих сил по-разному реализуется на разных стадиях экономического развития человеческой истории, и этими же стадиями определяются отношения мужчины и женщины к детям и, как следствие, их отношения между собой. Но здесь мы уже выходим за рамки биологии; опираясь только на нее, невозможно установить примат одного из двух полов в том, что касается их роли в обеспечении постоянства вида. Ведь общество – это уже не род, в нем род реализует себя как существование; в нем род трансцендирует в мир и в будущее; его нравы не выводятся из положений биологии; в нем индивиды никогда не бывают сведены только к своей природной данности, они повинуются обычаю – второй натуре, в которой находят отражение чаяния и опасения, продиктованные их онтологическим отношением к миру. Субъект осознает себя и осуществляет себя не просто как тело, но как тело, подчиненное табу и законам: он определяет свое значение лишь от имени определенных ценностей. И опять же, система ценностей задается не физиологией – скорее биологические данные подпадают под ту систему, что вырабатывает для них существующий. Если уважение или страх, внушаемые женщиной, препятствуют применению по отношению к ней насилия, превосходство мужчины в мускульной силе не может служить источником власти. Если обычай диктует – как в некоторых индейских племенах, – чтобы девушки выбирали себе мужей или чтобы вопросы брака решал отец, половая агрессивность мужчины не выливается ни в какую инициативу, не превращается в привилегию. Интимная связь матери и ребенка может быть источником почтительного или непочтительного отношения к женщине в зависимости от того, как высоко ценится ребенок – а это бывает по-разному; да и сама эта связь, мы уже говорили, может признаваться или нет в зависимости от бытующих в обществе предрассудков.

Второй пол. С. Бовуар filosoff.org

Итак, биологические данные нам предстоит рассмотреть с точки зрения онтологического, экономического, социального и психологического контекста. Порабощение женщины родом, пределы ее индивидуальных возможностей являются фактами чрезвычайной важности; тело женщины – это один из основных элементов, определяющих положение, которое она занимает в мире. Но одного тела недостаточно, чтобы дать женщине определение; оно живет лишь той реальностью, что воспринята ее сознанием через действия и в рамках общества. Одной биологии недостаточно, чтобы ответить на занимающий нас вопрос; почему женщина – это Другой? Речь идет о том, чтобы выяснить, как была в ней подправлена природа в ходе истории. Речь идет о том, чтобы выяснить, что сделало человечество с человеческой самкой.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!